

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Матвей Хромченко

«Я слова не нашёл, что я хотел сказать»...

Прочитанная в 10-м классе книга «Охотники за микробами» привела Матвея Хромченко в мединститут, но очень скоро он понял, что привлекла не медицина, а блестяще написанные биографии «охотников», то есть – литература, и после нескольких лет работы врачом он ушёл в журналистику, работал в разных журналах и газетах. А 8-го декабря 1983 года – день для него незабываемый – познакомился с Георгием Петровичем Щедровицким, и эта встреча стала для журналиста началом совершенно новой жизни...

Опубликованная к 75-летию Г.П. Щедровицкого небольшая книжка «Диалектические станковисты» – это 2-я часть книги о Г.П. Щедровицком и Московском методологическом кружке. В ней рассказано о его знакомстве и дружбе с Александром Зиновьевым, Борисом Грушиным и Мерабом Мамардашвили, о том, как по ходу их бесконечных дискуссий зарождался будущий ММК – Московский методологический кружок.

Предлагаемая читателю Альманаха глава «Я слова не нашёл...» (ко времени издания «станковистов» не завершённая) следует за главой, которая завершается самоопределением «отцов-основателей» кружка, в том числе Георгия Петровича:

– Именно тогда я сформулировал для себя основной принцип, который определял всю дальнейшую мою жизнь и работу: чтобы Россия могла занять своё место в мире, нужно восстановить интеллигенцию России. Смысл своей работы я видел в том, чтобы всячески, по всем линиям, во всех возможных формах способствовать её восстановлению. И для себя я решил, что остальное, включая вариации, коллизии социально-политической жизни, никогда не должно меня интересовать и я никогда не должен выходить на уровень прямого участия в этом. Что назначение и смысл моей работы, в том числе и как философа, как социального мыслителя, как логика и методолога, состоит в том, чтобы выискивать людей, способных осуществлять эту работу, и создавать условия для их жизни, для их развития. На это должны быть направлены все мои усилия – и этим же, вместе с тем, ограничиваться...

Это вызывает недоумение автора книги: восстановить интеллигенцию? Да ещё только этим и ограничиваться? Что-то здесь, на мой слух, не то.

После чего автор переходит к размышлениям на тему «Щедровицкий и интеллигенция», что и составляет содержание публикуемой главы. Хоть и положил я

себе за правило не оспаривать его утверждений, с иными из них согласиться никак не могу. Например, с тем, что его никогда не должны были интересовать «коллизии социально-политической жизни» и он «никогда не должен был выходить на уровень прямого в них участия». А письмо в защиту Гинзбурга и Галанскова (о «процессе четырех» 1968 г.) не такое участие? Говорили, что это – нетипичный для него поступок, чуть ли не умопомрачение, роковое стечение непредвиденных обстоятельств, и люди обратились им уважаемые, отказать не смог. Что отказать не мог, допускаю, но почему – разве мог кто-либо к чему-либо Г.П. против его воли принудить?

Ладно, защита диссидентов – поступок единичный. А борьба с «догматической организацией», преодоление «философских, идеологических и социальных догм», на что изначально и постоянно были ориентированы станковисты, не есть такое, даже если не совсем прямое, участие?

Да и его «откровение» звучит в 81-м году, когда до предела «развитой» социализм впал в окончательный маразм. Но к тому времени Георгий Петрович провёл – а уж он-то понимал, что делает – свои первые одиннадцать «игр», на которых за пять лет до начала горбачевской перестройки зазвучала гласность. Если и это – позиция невмешательства в социально-политические коллизии, то очень оригинальная!

Что же до возрождения интеллигенции...

Пересказывая в зный раз историю своих отношений с Зиновьевым, Г.П. вспомнит, что тот в их начале именно определил его «типичным рефлектирующим интеллигентом» – в противоположность себе, «мастеровому», который «строгает, рубит, колет». Соглашаясь как-то странно – с оговоркой «в этом смысле (надо полагать, в стыке с рефлексией) все верно» (оставляя, тем самым, повод для вопроса: а в других смыслах?) –

Г.П. для вящей убедительности расскажет байку уважаемого им профессора Гальперина о том, чем интеллигент отличается от... лягушки:

– Когда над ней летит комар, она сначала примеривается. Если языком может «дострелить», то его выбрасывает и комара ловит, а интеллигент тоже примеривается, но если понимает, что сумеет поймать, то уже не ловит: ему достаточно знать, что он сумеет это сделать. Вот и для меня рефлексивного понимания существа дела уже достаточно – если я понимаю, что могу это сделать, то уже не делаю. И потому принадлежу, в терминологии Петра Яковлевича, не к лягушкам, а к интеллигентам...

Сравнение с земноводными красиво, но ничего, кроме улыбки, вызвать не может: это ему-то достаточно понимать? это он комара не слопал бы? И потому, думаю, большинство знавших Г.П. людей, даже не отказывая ему в праве считать себя принадлежащим к страте интеллигенции («ну как не порадеть родному человечку»), сочли бы его если уж не совсем лягушкой, то кем-то в очень близком с нею родстве. Хоть и с феноменально поставленной рефлексией.

А с чего это Зиновьев отказывал мастеровому вправе быть интеллигентом? Ведь им быть в те годы мог любой человек, и не обязательно образованный, лишь бы душевным был, совестливым, о народе бы пекся. Да и Г.П., на мой взгляд, никак не меньше старшего друга «строгал, рубил и колол».

Когда же я после какого-то события в стране что-то сказал ему о позиции советской интеллигенции, он поморщился: «я думаю, такой позиции нет!»

И на вопрос журналиста – тот, услышав от Г.П. о возникшей в 80-е годы надежде на возвращение в историю, интересуется, кто в неё возвращает: не «наша ли интеллигенция, которая душой (!) оттуда как бы и не выбывала» – усмехнётся:

– Именно «как бы». На самом деле она была вышиблена, поскольку ситуация хрущевской оттепели с последующим восстановлением застойного периода на самом деле была убийственной. То, что ещё существовало к началу брежневского правления, погибло в результате, с одной стороны, того, что мы называем застоём, а с другой – потому, что само одряхлело и выветрилось. В этом смысле к началу перестройки мы пришли нищими духом...

Не потому ли «прихожанин» его семинаров с начала 60-х Олег Генисаретский утверждает, что кружок в те годы жил под лозунгом «возродим русскую интеллигенцию»:

– Казалось, что она угнетена или даже погибла, и как социальная ставилась задача возрождения целого сословия, вся система работ рассматривалась как условие и предпосылки такого возрождения. Потом люди, которые на такую ценность отреагировали, обнаружили, что всё это совсем не просто, средства и условия превращались в самоцель: чтобы через двести лет этого достичь, нужно, прежде всего, воспроизвести

сообщество, а потому жить пока по достаточно жёстким и не всегда естественным правилам. И, во-вторых, оказывается, что воспроизвести сообщество можно только через лидера, он фактически воплощает эту непрерывность...

(Очередное недоумение: что это за уникальное сословие, возрождения которого надо ждать двести лет, следуя не просто жестким, а неестественным правилам, и почему его принципы воплощает только лидер кружка? Да и кто сказал, что оно погибло? Вспоминаю скабрёзный анекдот тех времен про переполненный пассажирами трамвай: «интеллигентов до хрена – местов нет»).

Кого же «идеалист» собирался возрождать?

Объявив, что гордится прошлым трёх-четырёх, начиная с отца и матери, поколений своих предков и понимая его как прошлое отечественной интеллигенции, Георгий Петрович тут же добавляет:

– Мне уже тогда, в 52-м году, казались бессмысленными ее демократические установки – установки, которые выражались в слезах по поводу жизни народа, условий его существования, в заботах и столах о народе. И я тогда же сформулировал принцип, которого придерживаюсь и сейчас: каждый должен заботиться о себе – в первую очередь о себе как о культурной личности, и в этом в первую очередь состоят его обязанности, его обязательства перед людьми...

И это – «типичный» интеллигент? Между прочим, в том же почти духе высказался Лев Гумилев: «интеллигентный человек – это человек слабо образованный и сострадающий народу; я образован хорошо и народу не сострадаю».

Но если дореволюционная «прослойка» – не образец, то уж тем более не советская, по поводу которой на одном из семинаров вспоминая, как в профессиональном сообществе относились к станковистам, Г.П. высказался куда жёстче:

– Наше поведение, наша деятельность вызывали резкую реакцию со стороны широкого круга приспособляющихся и продвигающихся интеллигентов. Я сказал бы, со стороны того, что я в широком смысле называю мразью. Других слов для этого я не знаю, и мое отношение определяется по-прежнему этим словом...

А в лекции, на которую я сослался вначале:

– Вы следуете по пути всей московской, российской интеллигенции: тех, кто вам не нравится, вы элиминируете...

Был ли он одинок в своих оценках? Куда там.

Умерший в 1891 году Константин Леонтьев, один из первых в отечестве философов, отвергая идею равенства (его в человеческом обществе, как и в природе, быть не может) и предчувствуя всемирную революцию (она всех уравнивает и, погрузит Европу в серое унылое существование), не принимал и «гуманизм» отечественных интеллигентов, согласно которому надо любить человека уже только за то, что он человек, даже если он

ничего не сделал для того, чтобы им стать – ни героических поступков, ни больших свершений. Такую позицию – полагая её мещанской – он считал аморальной.

Анализируя предчувствованную Леонтьевым революцию, его коллега Густав Шпет (погибший в ГУЛАГе) видел в ней не только «следствие и результат», но и «осуществление замысла», который «выносила, лелеяла, сама себя на нём воспитывала наша интеллигенция XIX века»:

– Революция осуществляется не во всём так, как, может быть, мечталось и хотелось этой интеллигенции, но что же это означает: недействительность революции или недействительность интеллигентского идеала и, следовательно, самой интеллигенции, насколько она жила этим идеалом? Я склонен думать последнее.

Или Семен Франк, высланный из страны на «философском пароходе»:

– Он [интеллигент], будучи социальным реформатором, вместе с тем и прежде всего – монах, ненавидящий мирскую суету и мирские забавы, всякую роскошь, материальную и духовную, всякое богатство и прочность, всякую мощь и производительность. Он любит слабых, бедных, нищих телом и духом... любит их именно, как идеальный тип людей. Он хочет сделать народ богатым, но боится самого богатства, как бремени и соблазна, и верит, что все богатые – злы, а все бедные – хороши и добры...

Писатели судили жёстче философов.

Федор Достоевский: стоит поскрести интеллигента, как из-под его благообразной внешности может выглянуть зверина морда.

Иван Бунин:

– Народ сам сказал про себя: «из нас, как из дерева, – и дубина, и икона», – в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев.

Бунина обвиняли в ненависти к народу. Но кто? Его ответ:

– Те, кому, в сущности, было совершенно наплевать на народ, – если только он не был поводом для проявления их прекрасных чувств, – и которого они не просто не знали и не желали знать, но даже просто не замечали, как не замечали лиц извозчиков, на которых ездили в какое-нибудь Вольно-Экономическое общество.

Мне Скабичевский признался однажды:

– Я никогда в жизни не видал, как растёт рожь. То есть, может, и видел, да не обратил внимания.

А мужика, как отдельного человека, он видел? Он знал только «народ», «человечество»... Страшно сказать, но – правда: не будь народных бедствий, тысячи интеллигентов были бы прямо несчастнейшие люди. Как же тогда заседать, протестовать, о чем кричать и писать? А без этого им и жизнь не в жизнь была...

И Антон Чехов, «по своему образу жизни и по человеческому складу её типичный представитель,

увековечивший интеллигента конца прошлого (XIX) – начала нашего (XX) века, его дух, его мир, его быт, его тоску и безволие, его мечтательность» (оценка философа Пиамы Гайденко). За месяц до своего 30-летия он пишет Суворину по поводу «современных лучших писателей»: они «в России помогают дьяволу размножать слизняков и мокриц, которых мы называем интеллигентами. Вялая, апатичная, лениво философствующая, холодная интеллигенция... не патриотична, уныла, бесцветна... брезжит и охотно отрицает всё, так как для ленивого мозга легче отрицать, чем утверждать»...

Допустим, что это Чехов ещё не «настоящий». Но вот он же 40-летний: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо её притеснители выходят из её же недр... Я верю в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям – интеллигенты они или мужики, – в них вся сила, хотя их и мало».

Это – начало прошлого века, а вот и его финал.

Мамардашвили определял интеллигенцию «как численно ограниченную, небольшую группу лиц, обладавших досугом и достатком и осуществлявших монополию на умственный труд», которая «осознавала себя в качестве носителя всеобщей совести общества», но:

– Современное духовное производство стало массовым, интеллигенция уже не может претендовать на то, чтобы знать и мыслить за всех других. И в тех формах социально-критической мысли, которые интеллигенцией порождаются, часто бывает трудно различить, что является реакцией на действительные пороки буржуазного (учтём время высказывания – М.Х.) общества, а что – тоской по утерянной интеллектуальной монополии...

Писатель-эмигрант Фридрих Горенштейн:

– Мне не давали жить два врага – правительство и либеральная интеллигенция. Шестидесятники – милые люди, но они сами создают свой успех... им надо, чтобы они всегда были первыми, а ты – за ними. Они привыкли всё валить на советскую власть – а разве не при ней они сделали свою карьеру?..

Из страны высланный Иосиф Бродский, вспоминая, что изданные воспоминания Надежды Мандельштам вызвали «негодование по обе стороны кремлевской стены»:

– Должен сказать, что реакция властей была честнее, чем интеллигенции: власти просто объявили хранение этих книг преступлением против закона. В интеллигентских же кругах <...> поднялся страшный шум по поводу выдвинутых Надеждой Яковлевной обвинений против выдающихся и не столь выдающихся представителей этих кругов в фактическом пособничестве режиму. <...> Выдающийся диссидент заявлял, потрясая бородой: она

обос... всё наше поколение! Есть нечто в сознании литератора, что делает саму идею о чьем-то моральном авторитете неприемлемой. Литератор охотней примирится с существованием генсека или фюрера, но непременно усомнится в существовании пророка. Дело, вероятно, в том, что легче переварить утверждение «ты раб», чем «с точки зрения морали ты – ноль»!..

(Но не удивительно ли: и самого Мандельштама волновала традиционная российская «проблема» – кого считать интеллигентом! Ему было ясно, что таковым человека делает не образование и не причастность, как говорили в советские годы, к «прослойке», а исключительно набор неких «определённых качеств личности», о чём всегда можно спорить. И единомышленники вдовы о том спорили, «уточняя и оживляя» это понятие, «нравственно вращая в его непростые объёмы». Слово не было у них более животрепещущих вопросов, словно получи они ответ, что-либо в отечестве изменится надо ли?).

Радетели всегда и во всём не согласны с властью интеллигенции – знака, проросшего исключительно на отечественной почве, противопоставляют её западным интеллектуалам, которые о народе не помышляют и от того угрызениями совести не страдая, вступают с властью в деловые отношения. Совмещается ли, в таком случае, возрождение достославного сословия с традициями национальной культуры? Углядел же Генисаретский в устремлениях Г.П. признаки космополитичности, против чего тот не возражал:

– Космополит – это человек мира. И вроде бы человек, который выходит в своей Вороньей слободке в рефлексивную позицию, становится космополитом. И это – то самое, к чему призывал Маркс, и что он требовал от каждого человека, доказывая, что только вышедший в рефлексию и рассматривающий мир как объект своего действия может стать человеком. Но я понимаю, что это – предельная цель, некий категорический императив, который не обязательно выполнять... и даже, когда хочешь выполнить, то очень трудно...

Однако кто бы объяснил, почему это никого не волнует за пределами России? Почему не обсуждают в Германии, включить ли, пусть задним числом, в «прослойку» Мартина Лютера, а в США – Мартина Лютера Кинга?

Впрочем, этот российский вирус уже проник на Запад – подозреваю, не без помощи наших эмигрантов, свидетельством чему хотя бы изданный в конце прошлого века сборник эссе «Закат интеллектуалов». В нём один из ведущих в США художественных критиков, редактор журнала «Новый критерий», противопоставляет два понятия. «Закат» в названии книги характеризует ситуацию интеллигентов, а глубину их падения оттеняет верность идеалам подлинной культуры и гражданское мужество интеллектуалов: для них, присягающих на верность идеям, истина дороже Платона, друзей и страны. В рецензии на сборник наш эмигрант утверждает, что автор эссе обвиняет заокеанских интеллигентов –

хотя многие из них были провозвестниками новых идей, законодателями вкусов и подлинными властителями дум (прямо как у нас) – в тех нравственных, интеллектуальных и культурных деформациях, которые они внесла в американскую историю.

Никак не могу понять, с какой стати любого достойного человека надо обязательно числить в «прослойке»? Вот навскидку несколько имён людей, в общественном мнении не запятанных – Густав Шпет, Борис Эйхенбаум и Николай Вавилов, Анна Ахматова, Галина Уланова и Дмитрий Лихачев, Андрей Сахаров и Виталий Гинзбург, Михаил Пиотровский, Анатолий Приставкин: будем ли мы их хоть на йоту меньше уважать, интеллигентами не числя? Или, напротив, лишь выделим... из приспособляющихся, продвигающихся!

А недавно я и вовсе оторопел, читая в претендующей на солидность газете: «как и всякий интеллигентный человек»... кто бы этот «всякий», угадайте? Бен Ладен! Причём в тексте журналиста я не обнаружил даже намёка на иронию. Да и почему так не назвать столь образованную персону, пусть бы и террориста? В грош не ставит этические, моральные, нравственные нормы западной цивилизации? Так не он первый – достаточно вспомнить российских зачинателей террора и экспроприации: все сплошь записные интеллигенты – и уж конечно, не последний.

Также недавно обладателя «интеллигентного лица с милой улыбкой» следопыты-журналисты обнаружили среди российских... скинхедов! Просто наваждение какое-то с этой прослойкой. Или с понятием что-то неладно?

Защищая неуничтожимый «лейбл», наши «общечеловеки» (термин автора той же газеты), не утруждая себя онтологической работой, ссылаются на то, что их социальная группа, как любая другая, неоднородна (и в заокеанском сборнике эссе подчеркивается, что интеллигенция – понятие множественное: черты характера одного её представителя могут не совпадать с групповыми признаками). То, что неоднородна, бесспорно, и потому, скажем, у врача, учителя или артиста в российской глубинке иные, нежели у академика или столичной кинозвезды, заботы. Первые чаще озабочены не столько профессиональным уровнем (меня как-то поразила никем в аудитории не оспоренная фраза: «в стране около трёх миллионов домохозяек, по недоразумению называемых учителями»), сколько задачей выживания, тогда как вторые... тоже неоднородны.

Какого, в таком случае, рожна их единым маркером помечать? Разве что на основе типологического метода развести по типам: один, второй, третий...

Впрочем, по этому поводу сломано копий столько, что добавить можно, перефразируя Сергея Аверинцева, лишь одно: «Вопрос интеллигенции – это такой вопрос, где что ни скажешь, всё будет глупость». Однако и завершения полемики не ожидается: льстит, надо полагать, причастность к «совести нации», помещение себя на «вершину айсберга жизни народного духа»

(опять же, о каком духе, или о каком идеальном типе, идет речь: об «иконе» или «дубине»). Вот уже совсем недавно один литератор, человек во всех смыслах достойный, на вопрос, считает ли себя интеллигентом, ответил: «конечно, хотелось бы, но я (скромно добавил он) предпочитаю, чтобы об этом сказали после того, как меня не станет».

Не соглашаясь с представителями своей страты, не желавшими сотрудничать с властью, Г.П. в последние свои годы сетовал:

– Так получилось, что в нашем социалистическом обществе нет правящего класса. Гегемон у нас есть, именем его у нас совершались разные дела в прошлые десятилетия, но это просто его именем манипулировали, а реально никакого правящего класса у нас нет. Следовательно, у нас нет и будущего, поскольку никто идеологии и программ развития не формулирует. Если, скажем, сейчас рабочие справедливо говорят, что колбасу надо получать, то установка на получение колбасы есть установка люмпенов, а не класса, который может тащить вперед человеческое общество в целом...

И тут же удивил слушателей, предложив в качестве претендентов на такой класс... инженеров (подразумеваемая, разумеется, не советских «сантехников», а уровень выпускников Московского высшего технического училища): «если бы они были социально значимы и делали бы грамотно и профессионально свою работу, то многое в нашей жизни было бы лучше». А на вопрос, почему не интеллигенцию, ответил:

– Я марксизм очень пунктуально учил, и что в меня долбили, из меня никак не выходит, а именно: интеллигенция ведь не есть класс, и у нее нет исторических, социальных интересов, поэтому я говорю: инженеры... новое создают, проектируют... Инженерная деятельность – это та самая деятельность, которая создает движение человечества вперед...

Итак, за кого же он ратовал, если демократические установки дореволюционной интеллигенции с её слезами по поводу жизни и условий существования народа считал бессмысленными, а советскую «прослойку» – мразью (так, конечно же, маркировал не всех, но принципиально это мало что меняет), да ещё «ответственной за всё, что происходит в стране»? Но несмотря на это, «народ не может быть великим, если не имеет и не уважает свою интеллигенцию», ибо при всех её винах – «куда бы ни заводила», она «всё равно нужна стране», потому что «без неё страна и народ жить не могут!»

При этом «интеллигентность есть особый тип смыслов, определяемый особым типом социальных структур», и «если общество не поддерживает интеллигентность, считает такой тип смешным и ненужным, то её как социального типа, естественно, не будет». А также: «интеллигент всегда обязан обществу», и «его обязанность состоит в том, чтобы понимать, познавать и строить новые образцы» – образцы самоопределения, поведения и культурной, исторически сообразной

деятельности. И «первая его обязанность – заботиться о себе как о культурной личности, в этом в первую очередь состоят его обязательства перед людьми».

В отличие от тех коллег, кто полагал, что «русского интеллигента всегда отличала мечта о независимости», Г.П. предпочитал не мечтать – независимым быть. Свободным же может быть только мыслящий человек, и потому мы (члены страты) «должны восстановить уничтоженный в России слой мыслящих людей» – «как бы ни менялись социально-политические условия, интеллигент обязан оставаться мыслителем, именно в этом его социокультурное назначение». А так как «процесс трансляции есть один из основных общественных процессов», то «у каждого из нас есть одна историческая задача: каждый из нас должен оставить после себя хотя бы несколько человек, несущих на себе ценность мысли и мышления».

Он мыслил себя «идеологом, если можно так сказать, собственно культурной, культурологической, культуротехнической работы» (а не «умозрительным созерцателем»):

– В этом смысле моя позиция сугубо элитарна: я считал и считаю, не случайно ссылаясь на идеи братьев Стругацких, что и я, и все мы, то есть принадлежащие к страте интеллигенции, мы все являемся членами Группы Свободного Поиска...

Рассматривая «первую фазу гигантского социального и социокультурного эксперимента не в аспекте политических или социально-политических отношений, а, прежде всего, в аспекте разрушения и ломки всех традиционных форм культуры», и понимая необходимость «воссоздавать новую культуру, ибо восстановление прежней невозможно», он говорил: «интеллигенция должна не только транслировать и передавать культуру», но ещё «трансформировать её, адаптируя к новым условиям», тем самым «строить новую культуру» – «мы не можем продвигаться вперед, не развивая культуру своей страны и мировую культуру».

Зайду по новой: для него предельной ценностью была личная свобода, однако человек обязан встраиваться в системы деятельности с их функциональными местами – «появление подобных мест знаменует переход от обезьяны собственно к человеку», а потому быть свободным отнюдь не просто во все времена и в любой стране. Г.П. обсуждает это на лекции для студентов в 65-м году:

– Человек как элемент человечества существует лишь в той мере, в какой существуют места социальной системы. Но вместе с тем в той мере, в какой они нормируют и тем самым определяют и задают поведение человека, в той же мере всё меньше и меньше остаётся от самого человека – остаются лишь исполнители (а они «могут быть заменены машинами, роботами»). Наверное, это противоречие является основным для человеческого существования...

И тут же – о «широко распространенном интеллигентском предрассудке»:

– Часто можно услышать, что подобная, всё более усиливающаяся нормировка подавляет человека, человеческую личность, не создаёт условий для её подлинного развития. На мой взгляд, подобное мнение – глубочайшее заблуждение. Правильным, как мне кажется, является прямо противоположное утверждение, а именно: чем более сложная, разветвленная и разнообразная система нормировок появляется и развивается в обществе, тем более развивается человек и человеческая личность. Можно утверждать, хотя это, возможно, покажется вам парадоксальным, что человеческая свобода, а вместе с тем сила и мощь человеческой личности прямо зависят от обилия и разнообразия тех социальных систем, которые в этот момент существуют в обществе. В этом плане, если хотите, всё большее и большее «выжимание» человека из них делает человека человеком.

Но тогда встаёт вопрос: откуда же возникает и почему получает распространение указанный интеллигентский предрассудок? Хотя я сказал, что всё большая система нормировки характеризует человека, я вместе с тем предполагал, что сам человек всё время ей противостоит. Он, с одной стороны, принимает её и усваивает заданные средства, а с другой – всё время стремится выйти за их пределы, нарушить их, подняться над ними. Я предполагал, что всё более усиливающаяся нормировка заставляет человека развиваться так, чтобы он при этом мог оставаться независимым и свободным, причем независимым и свободным именно за счёт обилия и разнообразия систем нормировки, за счёт использования их в качестве средств своей жизни и средств приобретения свободы. Я полагал, что человек должен научиться, с одной стороны, выполнять эту систему нормировок, а с другой – никак от неё не зависеть.

На мой взгляд, человек как таковой развивается лишь в той мере, в какой он всё это проделывает. Когда же интеллигент рассматривает социальную систему, анализирует своё отношение к ней и её отношение к себе, он обнаруживает, что при очень сильной нормировке и регламентации человек и человеческая личность исчезают, остаются лишь одни места социальной системы и биологические исполнители этих мест; грубо говоря, остаётся лишь обыватель, задавленный системой. Спору нет, такое бывает – и нередко. Но тогда нужно сказать только одно: тем хуже для этого обывателя. Когда я говорю, «тем хуже для него», то имею в виду лишь теоретический смысл слова «хуже», ибо сам обыватель не чувствует своей подавленности, он чаще всего доволен своим положением; поэтому речь здесь идет не о судьбе отдельных людей, их страданиях и самочувствии. Речь идет о человечестве.

Задавленным обыватель бывает лишь в представлении интеллигента, и само это представление появляется лишь потому, что сам интеллигент выносит вовне и обобщает до понятий «человек» и «человечество» своё собственное неуютное самосознание и самочувствие.

При этом он с очевидностью обнаруживает обывательскую сущность своего собственного сознания. Единственное его отличие – в высоком уровне рефлексивности и сострадания по поводу своей собственной обывательской судьбы. А обывательской она является лишь потому, что сам этот интеллигент не находит в себе сил для того, чтобы подняться над существующими системами нормировки и регламентации. Он предельно труслив и как личность не соответствует своему времени. Реально каждое время бывает и тяжелым, и жестоким по-своему. Интеллигент-обыватель не хочет этого знать, он оправдывает свое поведение тезисом, что его время является из ряда вон выходящим по тяжести, в то время как другие были и легче, и лучше. Здесь уместно напомнить известный принцип Стендаля: нет республики без республиканцев. Если бы интеллигент был действительно интеллигентом, он нашел бы формы и средства борьбы с регламентирующими его системами, а если не находит, то это значит лишь, что он не соответствует своему времени и является банальным обывателем...

Но тут же определяя социальные институты как «особую форму нормировки человека и человечества», Г.П. говорит, что «человек как таковой не может существовать только в институтах и через институты». Как человек он существует лишь постольку, поскольку их осваивает и преодолевает, а «может это делать и делает благодаря механизмам группы и группового существования – поэтому группы есть второй необходимый элемент всякой социальной системы, вторая действительность человеческого существования. И в той мере, в какой каждый индивид оказывается одновременно и элементом институтов, и элементом групп, он является человеком»:

– В этом плане история дает нам очень интересные примеры взаимоотношений между социальными институтами и группами. Пифагорейские клубы, финикийцы в египетском обществе, еврейские общины в средние века, евреи-ростовщики по отношению к рыцарству, масонские ложи, яacobинские клубы, карбонарии, наконец, современные партии – всё это разные виды и разновидности решения этой проблемы. Когда человек оказывается только членом группы и не принадлежит социальным институтам или отрицает их, говорят, что он живет вне общества, или, как образно говорил Маркс, в «порах» общества. Иногда такое существование обусловлено тем, что люди не могут институционализироваться, хотя всё время стремятся к этому, иногда – значительно реже – тем, что они сознательно не хотят этого делать. С этой точки зрения очень интересен статус интеллигенции – в подлинном смысле этого слова, которая всегда принадлежит сразу двум системам социального существования <...> и потому нередко оказывается вне институтов. Но точно также не является человеком и тот, кто живет только в институте. Это уже не человек, а бюрократ. Это тоже крайне интересная проблема: интересно описать печальную судьбу бюрократа, чаще всего считающего себя счастливым...

Всегда чёткий в высказываниях Георгий Петрович здесь, на мой слух, то и дело оговаривается: «если бы интеллигент был действительно им», «этот интеллигент», «в подлинном смысле этого слова»... Почему? На мой взгляд, он вполне мог бы подписаться под констатацией поэта: «Я слова не нашёл, что я хотел сказать»! Слова нового, которое могло бы заменить набившее оскомину понятие. Хотя кое-что, позволяя мне свою гипотезу предложить, в приведенных выше цитатах сказал: о необходимости воспитывать мыслящих людей, адекватных времени, о формировании в клубном пространстве свободной личности, о задании новых социокультурных образцов, об элитарной позиции и прогрессорах, действующих вне государственных институтов в Группе Свободного Поиска.

К слову, бескомпромиссно и жёстко мыслящую элиту, или правящий класс, отличает, по Г.П., не ухватываемые ею привилегии (как нынешней – но можно ли её так именовать?), но прежде всего обязанность (умение) формулировать идеологию и программы развития с ответственностью за их реализацию.

И отрицая за интеллигентностью национальную принадлежность, однажды сослался на Британскую энциклопедию: интеллигент – это «человек, имеющий собственное мнение об окружающем мире и средства, чтобы своё мнение сформулировать, к тому же отличающееся от мнения тех общностей, к которым он принадлежит по происхождению и в которых функционирует», ему положено «отвечать за своё поведение, не подличать, не приспособливаться к условиям жизни, напротив, постоянно и в любой ситуации сохранять неколебимыми принципы и позицию».

Всё – просто и ясно. Хотя, действительно, не придётся ли ждать формирования – но не возрождения – такой (воспользуюсь оскоминной) интеллигенции сто, а то и двести лет?

Впрочем, в конце-то концов, существо дела не в дефинициях, и не в том, кем Г.П. себя называл – оно в том, на что он был устремлён и что «на расстоянии вытянутой руки» делал. И потому столь острыми были его дискуссии с учениками, друзьями, коллегами не столько по теоретическим вопросам (хотя и по ним тоже), сколько по вопросам организации жизни и деятельности или, как он говорил, жизнестроительства.

Начало 70-х. Изгнанный с работы за «поношение марксистской» социологии, Щедровицкий на семинаре также уволенного Левады обсуждает, в чём принципиально изменилась «совокупная деятельность человечества» и в связи с этим вставшие перед ним новые задачи. Прежде «типичного» ученого социальные проблемы почти не интересовали: Ньютон, Максвелл (и другие) были, как до них Галилей, «одиночками», которые «в своём сознании, в своём мышлении и в своей деятельности несли определенную целостность и были заинтересованы в средствах и методах своей работы». А сегодня «наука стала сложно организованной сферой деятельности: теперь целостность научного мышления

достигается за счёт организации и руководства научно-исследовательских работ, а соответственно этому выделился особый тип ученых – организаторов, руководителей и управляющих наукой и в науке», что порождает новые требования к методологии.

На этом пункте докладчика прерывает не зафиксированная в стенограмме реплика Юрия Александровича, выразившая его, по мнению Г.П., «социальные идеалы и установки», на что следует чёткий ответ:

– Так как ваше замечание двусмысленно, я должен сформулировать свою позицию. По сути дела вы бросили мне упрек в том, что я как бы поступаю на службу к организаторам и руководителям современной науки. А поскольку в интеллигентском сознании считается – и это, по сути дела, его аксиома, что служить бюрократам не хорошо и уж, во всяком случае, не пристало учёному и интеллигенту, то тем самым вы как бы подвергаете сомнению, даже критике и осмеянию саму задачу, сформулированную мною выше. Но я хотел бы очень чётко разделить эти два момента.

Мне представляется, что главным является вопрос не кому служить, а чему и во имя чего служить. Поэтому, на мой взгляд, единственно серьёзный вопрос, который здесь может и должен обсуждаться, это вопрос о том, каковы необходимые и продуктивные тенденции развития научного мышления, или мышления вообще, и сферы научно-исследовательской деятельности. Если вы признаёте, что дифференциация науки, превращение её в сложно кооперированную и сложно организованную деятельность является закономерным историческим процессом, то мы – именно как ученые и интеллигенты – обязаны будем принять в нём участие и взять на себя ответственность за развитие всего целого и вам, хотите вы или нет, придётся служить. Наоборот, отказ от службы в данном случае будет означать дезертирство и предательство.

По сути дела, вы повторяете знаменитый тезис Чацкого «служить бы рад, прислуживаться тошно», и на том основании, что вам тошно прислуживать, вы отказываетесь служить и, таким образом, участвовать в историческом процессе. Правда, можно предположить и другую версию: что у вас есть другое представление о тенденциях развития науки и научного мышления – вы видите путь развития науки вне её усложнения, дифференциации, иерархической организации и, исходя из этого представления, предлагаете другую программу методологической работы и вообще всей духовной и интеллектуальной жизни. Такой вариант вполне возможен, но тогда нужно обсуждать эти представления и проекты возможных путей развития науки и научного мышления. До сих пор, к сожалению, я ничего о них не слышал.

Поэтому у меня есть все основания трактовать репрезентируемую интеллигентскую точку зрения как выражение принципиально иной позиции – полного отрицания организации и обусловленных ею форм бюрократии. Это, на мой взгляд, типично консерватив-

ная и реакционная критика существующего положения дел. Идеалом в ней служит представление об отдельном мыслителе, свободном от сложных кооперативных форм труда и трудовой деятельности, о мыслителе, который охватывает в своём мышлении и в своём сознании всю целостность мира и может жить как бы вне социальных связей, задаваемых ими ограничений и обусловленной ими ответственности. Но эта негативная позиция ориентирована лишь в прошлое, движима идеалами прошлого и не даёт ничего конструктивного в отношении настоящего и путей его развития. Такая позиция, вопреки установкам её авторов, является продолжением свободного манипулирования индивидами и их деятельностью, дополнением к тому произволу в отношении личности, против которого она, казалось бы, направлена. Но именно потому, что эта позиция не выдвигает никаких идеалов и проектов, согласующихся с тенденциями и закономерностями исторического развития, она не может меня устроить: тот идеал атомизации и дезорганизации коллективной работы, который сейчас проповедуется и проводится некоторыми кругами интеллигенции, мне не нравится. Я протестую против всяких попыток трактовать любую и всякую организацию как нечто противочеловеческое. Наоборот, именно это я считаю сейчас самым человеческим и самым важным в плане дальнейшего развития человечества и отдельных людей.

После этих разъяснений оснований и ценностей моей позиции я могу вернуться непосредственно к теме моего доклада...

Не в том, на мой взгляд, дело, что Г.П. обсуждает принципы организации, руководства и управления – тему, которая для него была одной из центральных. Предъявляя гражданскую позицию, он отвечает – развернуто и не коммунально, а исключительно по содержанию – не случайному оппоненту, не только уважаемому коллеге, претерпевшему, как и он, от властей предрержащих, но другу, которого он, как и себя, мыслит в одной страте. И ничего не значат, какие посты в

профессионально-социальной иерархии они занимают и занимают ли вообще: в любом случае они – по принадлежности к элите – обязаны помнить о своей миссии, об ответственности, причём не только перед наукой: есть же ещё, сколь ни громко это звучит, и страна, и история.

Еще резче (утверждая, «что мы принадлежим к правящему классу, хотя сейчас говорить об этом вроде бы даже смешно») он тогда же скажет ближайшим об ту пору «прихожанам» кружка:

– Я сравниваю вас с людьми в вашем возрасте или чуть старше, и даже чуть младше. В то время как в интеллектуальном плане вы значительно тоньше их, по другим, на мой взгляд, необходимым параметрам личности вы им значительно уступаете. А я глубочайшим образом убежден, что быть подлинно человеком, подлинной, целостной личностью можно, только имея соответствующий уровень жизни, работы и связанной с ней ответственности – каковы её формы, можно обсуждать дальше. Ваше положение отличается тем, что вы очень часто её не имеете. Вы просто безответственны. И меня интересует, как мы к этому пришли, как это получилось...

Спустя четверть века «Известия» опубликуют интервью Левады, в котором он, всё ещё считая, что «советская интеллигенция, по сути, превратилась в обслугу бюрократии – власть поняла, что без образованного слоя она ничто», скажет, что ныне «интеллигенции как субъекта ответственности не существует»...

А как такой субъект прежде – существовала?

Ожесточенная дискуссия между Г.П. и его коллегами, начавшись с момента предъявления им своей философской, научной, методологической и, может быть, в первую очередь, мировоззренческой позиции, не утихает и после его ухода, даже разгорается. Едва ли не более всего их отторгает его понимание культуры и, тем более, человека. Но мы ещё не расстались с «диалектическими станковистами»...